

Государство корпораций — рост нелегитимной власти и угроза демократии

Сюзан Джордж

Почетный президент организации АТТАС-Франция.

Несколько лет назад книга, связанная с «государством силы», вероятно, была бы в основном ограничена тем, или, по крайней мере, сосредоточена на государстве и его доминирующих атрибутах, таких как: милитаризация, его контроль над жизненно важными ресурсами или своя валюта. В данном контексте можно было бы, несомненно, добавить «способность шпионить за другими державами», — но это не то, что я намерена обсудить здесь.

Скорее, я останавливаюсь на власти без сопровождения какой-либо подотчетности; на власти, которая не обязана сообщать никому о своей деятельности, и если её трудно понять, то ей в равной степени трудно противостоять. Именно поэтому вторая половина названия — «угроза демократии». Легитимность зависит от демократии, — в противном случае, все виды власти, с которыми связано правительство, являются лишь вариациями на тему угнетения, называемого тиранией, диктатурой или самодержавием. Вероломство незаконной власти делает его трудно определимым. Она не имеет имени, как такового, не вытекает из официальных решений и не часто чувствуется как гнёт теми, кто покоряется ей, сознательно или нет.

Незаконная власть, в том смысле, который я буду использовать здесь, исключает тиранию, диктатуру, однопартийные авторитарные государства, африканские сатрапии и т.п. Это касается мощи крупнейших корпораций, и здесь я предпочитаю формулировку Организации Объединенных Наций — «транснациональный» или ТНК, а не «многонациональный» или МНК. Когда вы достигаете верхушки корпорации, поста генерального директора, главного управляющего директора или финансового директора, директора «исследований и разработок», Совета директоров, эти компании гораздо чаще не имеют определенного гражданства, и хотя они могут иметь филиалы в десятках местах, они любыми средствами не предоставляют равный вес интересам каждого из этих мест. Кроме того, как мы увидим, группы компаний из, скажем, США и европейских стран или Европы, которые в целом собрались вместе, чтобы получить результаты, которые они воспринимают как их общие интересы. «Получение результатов» включает в себя политические результаты, и возможность их получить от правительств не-

умолимо растет. Это, как по мне, заключает в себе серьезный удар по принципам демократии.

Так что я должна, во-первых, указать на несколько быстрых различий относительно того, что является законным и демократическим, с одной стороны, а с другой стороны, нелегитимным и недемократическим в правительстве, которое в настоящее время часто называют, и не зря — «управлением» (governance).

Во-вторых, я буду излагать мою гипотезу: Я считаю, что практика показывает, что нелегитимность власти находится на подъеме, и что демократия постепенно поддается болезни неолиберальной идеологии, так что все больше и больше функций законного правительства в настоящее время берут на себя незаконные, неизбранные, непрозрачные агенты и организации. Это тот случай, который наблюдается на всех уровнях, национальном, региональном и международном.

Последнее и, самое важное, я буду предоставлять доказательства и приводить примеры в поддержку этого аргумента. Список примеров постоянно растет и, может быть, он гораздо больше, чем тот, что здесь, но я надеюсь показать, тем не менее, что незаконное, корпоративное правило сейчас занимает все большее и большее пространство на каждом уровне правительства, включая международную сферу, что это серьезно вредит демократии, и что это оказывает влияние на наши страны и наши жизни, особенно, если мы живем в западных демократиях.

Что делает власть легитимной?

Вот контрольный перечень признаков легитимности, который, как я думаю, примут большинство людей, живущих в демократически управляемых странах. Отличительными чертами легитимной власти являются свободные и справедливые выборы, конституционное правительство, верховенство закона, равенство всех перед законом; разделение исполнительной, законодательной и судебной властей, сдержки и противовесы, чтобы предотвратить возможность какой-либо части правительства стать слишком мощной, разделение церкви и государства. В сочетании с этими положениями, которые полностью нельзя перечислить, постоянно расширяется список индивидуальных и коллективных прав и свобод, в первую очередь, изложенных во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Билле о правах 1791 г., которые входят в первые десять Поправок к Конституции Соединенных Штатов Америки.

Свобода мнений, слова, вероисповедания, печати и так далее... Все эти идеи когда-то считались революционным, даже когда они были крайне неполными — существовало ещё рабство, женщины и меньшинства не могли голосовать или осуществлять много прав и так далее. Но понятия личных прав и правительств, которые гарантируют их, являются частью движения Просвещения.

В XVIII веке идеи и защитники Просвещения включали не только понятие прав и свобод, но и обязанности и нормы поведения для отдельных граждан. Они защищали рациональную и научную мысль от догмы и суеверия, изобретали совершенно новые концепции, такие как коллективный прогресс и личное счастье. Действительно, равные права еще не были полностью достигнуты для женщин, для мигрантов или половых и расовых меньшинств, но, несмотря на все ужасы последних нескольких веков, на неудачи и несовершенства, демократия и ценности Просвещения до сих пор кажутся мне и миллионам других людей самыми лучшими и самыми замечательными формами правления из когда-либо существовавших. Доказательством этого является то, что другие (не обязательно западные) люди хотят те же самые вещи для себя и готовы бороться и умереть, чтобы достичь демократии.

Зачем защищать эту модель?

Я считаю, что мы должны сохранить и улучшить демократическую модель Просвещения, и я сейчас постараюсь объяснить, почему я полагаю, что она находится в серьезной опасности, исходящей от незаконной власти. За последние три-четыре десятилетия новый набор ценностей постепенно захватил передовое и центральное место, наряду с очень многими изменениями в худшую сторону в правительстве.

Сейчас выступает против модели Просветления новая идеология эгоизма и жестокости, и мы можем назвать ее неолиберальной моделью. Она неуклонно набирает силу, несмотря на подавляющее доказательство того, что это вредно почти для всех, за исключением очень богатых и находящихся на самой вершине людей в корпоративном секторе. Я честно не считаю, что может возникнуть что-то более сильное после финансового землетрясения, произошедшего в 2007-2008 гг., и с чьими последствиями мы все еще живем. Но это — то, что произошло.

Эта модель была полностью дискредитирована — дискредитирована интеллектуально, практически и морально. Но неолиберализм до сих пор торжествовал и продолжает вызывать огромные сдвиги власти в пользу самых богатых и мощных классов и корпораций.

Неравенство заметно возросло. В Европе доли экономических ценностей собираются у капитала, а рабочая сила решительно смещена. В конце 1970-х гг. доля выплат, приходящаяся на труд в виде заработной платы, составляла в Европе около 70% ВВП. Оставшиеся 30% отправлялись в столицу в виде дивидендов, ренты и прибыли. Теперь столица получает не менее 40% ВВП, в некоторых странах больше, и труд получает лишь 60%. Корпоративные акционеры привыкли довольствоваться дивидендами, представляющими возвращение 3 или 4% в год; теперь они требуют 12% и более. Бывшая цель построения сильного, здорового

и прочного коммерческого предприятия, хорошо интегрированного в сообщество, была заменена единым императивом «акционерной стоимости». Почти все бизнес решения направлены в это русло, где поощряются скоротечность, вывод активов, массовые увольнения и многие другие негативные явления.

Если наемные люди потеряли десять очков ВВП, это не малая разменная монета! ВВП Европы составляет около \$13 трлн. в год, так что европейские трудящиеся сейчас упускают около \$ 1.300 млрд. (\$ 1,3 трлн.) в год по сравнению с 1970-ми гг.. Когда рабочим платят, их доходы идут в подавляющем большинстве на покупку товаров и услуг, которые позволяют экономике двигаться. Теперь у нас есть высокий уровень безработицы и заработная плата тех, кто имеют инертную работу, а иногда разоряющуюся, особенно в Южной Европе и даже для значительной части немецкого рабочего класса.

Капитал, с другой стороны, реинвестируется, очень часто, в покупку финансовых продуктов, которые не создают социальную ценность, имеют мало или вообще ничего общего с реальной экономикой и могут иметь, как мы все недавно видели, привести эту реальную экономику на колени.

Неолиберальная доктрина

Так же, как я предоставила «перечень признаков легитимности» для демократии, здесь привожу один для нелегитимного управления неолиберальной модели и ее защитников:

Рынки мудры и эффективны; они говорят гражданам, компаниям и правительствам, что общественность хочет и в чём нуждается; они должны иметь возможность функционировать самостоятельно от, насколько это возможно (в идеале полностью свободные), правительственных постановлений и мероприятий. Рынки по определению «саморегулируемые», и в неолиберальной лексике правила являются «убийцами работы», члены профсоюзов являются «бандитами», которые хотят предотвратить поиск работы новичками и, конечно, иностранцами. Приватизация государственных услуг является желательной, поскольку частное предприятие всегда выигрывает у государственных услуг по критериям эффективности, качества, доступности и цены. Свободная торговля может иметь временные недостатки для некоторых, но, в конечном счете, служит всему населению хорошо, обеспечивая более качественными рабочими местами и повышая благосостояние. Оба — тарифный и нетарифный барьеры для торговли и для прямых иностранных инвестиций должны быть удалены. Государственные расходы, по существу, вредны (исключая некоторые бюджеты, такие как оборона и национальная безопасность), и должны быть ограничены до минимума. От государственного долга и дефицита государственного бюджета нужно избавиться как

можно скорее, в случае необходимости, путем введения мер жесткой экономии на население.

Строгость программы основана на этих убеждениях. В моральном плане, неолиберализм является эгоистичным и жестоким, даже античеловеческим. В США, Теннесси конгрессмен-республиканец проголосовал устранить продовольственные талоны со словами: «Те, кто отказывается работать: не ешьте», — не обращающая внимания на отсутствие рабочих мест, доступных для тех, кто пытается найти работу. В ЕС полностью разработано наступление против государства всеобщего благосостояния, которое ведется с целью отбросить назад все завоевания трудящихся за последние шесть-семь лет. Для неолибералов каждый аспект государства всеобщего благосостояния претит, потому что оно состоит в принятии ресурсов от богатых — тех, кто якобы создал богатство и дает это богатство тем, кто этого не заслуживает. Богатый ничем не обязан бедному.

Также богатые ничем не обязаны природе. В неолиберальном каноне природа сама по себе не представляет никакой ценности, как и труд. Оба должны быть использованы юридическими лицами, и только инвесторы (т.е. «акционеры»), и люди на вершине являются создателями ценности.

Корпоративное наступление от А — хорошо, до Я — не совсем

Теперь для доказательства или, по крайней мере, примеров — возрастающий контроль незаконной власти. Она осуществляется через корпоративные деньги, конечно, но и через все более сложные организации и профессионализм. Есть много уровней выражения этой власти: мы можем начать этот краткий обзор с самого простого, родоначальника корпоративного влияния, т.е. общего или сада лоббирования. Эта практика берет свое название от фойе Палаты Общин, где люди с особыми интересами, и часто набитыми конвертами, ждали, чтобы подстеречь и задержать для разговора прибывающих или выходящих депутатов.

Через пару столетий этой практики, эти невыборные люди стали известными, гораздо более осведомленными и квазизаконными акторами на окраинах государства. Их офисы занимают целые кварталы в Вашингтоне (К-стрит) и квартала ЕС в Брюсселе. Часто они проходят через «вращающиеся двери» и после карьеры в политике знают лучше, чем кто-либо, к кому приблизиться и как изменить умы уполномоченных или законодателей.

Они улучшили свои методы, платят больше, чем когда-либо, и они получают результаты. Лоббирование окупается. Исследование, проведенное Sunlight Foundation в США показали, что американские корпорации, которые инвестировали в лоббирование, выплачивают в виде налогов пропорционально меньше, чем те, что не инвестировали. В США, они должны, по крайней мере, заявить о себе в реестр Конгресса и сообщить, сколько им платят и кто.

В Брюсселе, однако, есть только «добровольная» регистрация — посмешище, учитывая, что от пятнадцати до двадцати тысяч лоббистов навещают помещения ЕС и говорят нон-стопом каждый день с персоналом Комиссии и европарламентариями. Несколько парламентариев Восточной Европы были застигнуты журналистами британского таблоида при получении взятки в обмен на голоса и должным образом выставлены напоказ читающей публике.

Парламент, благоразумно обеспокоенный сохранением своей репутации, попросил президента Мартина Шульца создать рабочую группу, отвечающую за реформирование полностью неадекватного европейского регистра прозрачности. Эта группа была должным образом сформирована в середине 2012 г., после чего больше ничего не произошло. Ясность в отсутствии прогресса в работе группы стала более прозрачной, в свою очередь, когда, в октябре 2013 г., немецкий еженедельник *Der Spiegel*, показал, что председатель группы, немецкий христианский демократ депутат Европарламента Райнер Виланд, был лоббистом на стороне в качестве партнера в Брюссельской юридической фирме. Современное европейское лоббирование — это не только PR — Брюссель также захвачен юридическими фирмами, создающих законопроекты и юридические стратегии для их коммерческих клиентов, и этим фирмам особенно хотелось зарегистрироваться. Неудивительно, что Виланд не сделал ничего, чтобы изменить их мнение.

Два немецких Зеленых депутата Европарламента, Ребекка Хармс и Даниэль Кон Бендит еще раз написали Шульцу, отмечая, что «открытие того, что [Виланд] оказывает твердое лоббирование на политику ЕС, позволяет признать продолжение его деятельности в качестве председателя рабочей группы по созданию прозрачности лоббирования полностью несостоятельным...» Мы посмотрим, — это сага продолжится.

Однако, мало-помалу, вызывающее опасения, если не сказать смехотворное маневрирование Комиссии и членов государства в настоящее время уязвимо, и пелена секретности над лоббистской деятельностью показывает некоторый износ. Даже среди тех фирм, которые зарегистрированы, некоторые из них, как было показано, скрывают свои реальные действия и заработки в десять раз. Как говорят французы, «*Le ridicule tue*» — быть смешным смертельно, и каждый надеется, что реестр скоро перестанет быть посмешищем континента.

Лоббирование или «связи с общественностью» в промышленности выросло в геометрической прогрессии после Второй мировой войны, и в настоящее время эксперты защищают интересы всех отраслей промышленности, включая фаст-фуд, генетическую манипуляцию культур, вредные продукты, такие как табак, опасные химические вещества или рискованную фармацевтику и финансовый сектор. Их задача ясна: написать новое законодательство; задержать или устранить любое законодательство, противоречащее их интересам.

Менее известными, возможно, чем лобби для отдельных ТНК являются пролиферирующие отраслевые «институты», «основы», «центры» или «советы», для различных классов продуктов, часто расположенных в Вашингтоне, округ Колумбия, но иногда, работающих по всему миру. Они тоже защищают алкоголь, табак, нездоровую пищу, химикаты, фармацевтические препараты, выбросы парниковых газов и так далее, но это делают по-другому, часто используя идеологическое оружие. Они используют уступчивых ученых, которые никогда не выражают никакого конфликта интересов при написании «исследования» или популярных статей, направленных на создание сомнений в общественном сознании даже о лучших установленных научных фактах. Они утверждают, что есть «дискуссия» вокруг определенных научных вопросов, когда на самом деле её нет или только то, что создано из воздуха самими лоббистами.

Они создали поддельные группы «местных» или «горожан», чтобы защитить свою продукцию или идеи, и делать вид, что «свобода выбора» потребителя нарушается «няней государством», которое хочет принимать решения людей за них самих. Они начали ходатайствовать и собирать подписи, чтобы защитить или отклонить политику; при ближайшем рассмотрении, подписи оказываются от тех корпоративных сотрудников, чьи рабочие места зависят от согласования. Они используют технику запугивания, например «это законодательство приведет к увеличению издержек для бизнеса и приведет к росту цен и/или к безработице». Они также эксперты в обрамлении вопросов таким образом, чтобы их можно было выдать за законные «новости», когда на самом деле они являются пропагандистскими операциями. Надо позаботиться выяснить, кто финансирует, казалось бы, доброкачественное и законное учреждение, прежде чем верить всему, что оно говорит, и это не простая задача для рядового гражданина.

Посеять сомнение в общественное сознание, как правило, достаточно для достижения своих целей. Центр Потребительской Свободы под руководством совершенного гуру пиара Ричарда Бермана был в состоянии накладывать запрет на курение в общественных местах в течение многих лет. Берман также защищал алкогольные напитки и нежелательную пищевую промышленность, а также готовил антипрофсоюзные кампании для крупных корпораций. При отрицании изменений климата использовал ту же тактику. Одна из его организаций, финансируемая за счет нефти и моторостроения, даже объявила на своем сайте после провала Копенгагенской климатической конференции ООН в 2009 г., что они были распущены, учитывая, что они выполнили свою цель. И во многом они получили то, что меньше освещались в СМИ и, по крайней мере, в Соединенных Штатах, меньше было общественного интереса по поводу изменения климата, чем до 2009 г.

Торжество банков и финансовых услуг

С середины 1990-х гг. крупнейшие американские банки, ценные бумаги, страховые и бухгалтерские ТНК объединили свои силы и, используя 3000 человек потратили 5 миллиардов долларов, чтобы избавиться от всех законов Нового курса, проводившегося администрацией Рузвельта в 1930 г. — эти законы защищали американскую экономику более шестидесяти лет. Благодаря этому совместному толчку лоббирования они выиграли полную свободу, чтобы удалить любые убыточные активы от их балансов и переместить их в «теневые» банки, которые нигде не появились в их балансах. Они стали свободно создавать и торговать на сумму равной сотням миллиардов токсичных продуктов, такими как большое количество субстандартных ипотек, без какого-либо регулирования.

Последствия, как всем известно, были разрушительными. Но демократия отсутствовала и не давала никаких решений. Например, с 2007 г. у около десяти миллионов семей изъяли их дома в Соединенных Штатах. Они знают достаточно хорошо, что банк или ипотечная компания забрала их дом и вышвырнула их на улицу — но большинство понятия не имеют, как кризис на самом деле произошел или почему Конгресс не сделал ничего, чтобы предотвратить его или облегчить его постфактум. Конгрессмены и женщины действительно подготовили ряд законопроектов, которые могли бы помочь людям остаться в своих домах, но ни одно из этих предложений не стало законом. Также, надо сказать, что не была создана коллективная организация для защиты вновь бездомных, которая могла бы принудить к действию.

Или возьмем случай CalPERS — Калифорнийского государственного пенсионного фонда рабочих, который потерял более миллиарда долларов взносов работающих людей, потому что он инвестировал в токсичные бумаги, продающиеся на рынке крупными банками. Было ли это случаем плохих инвестиционных решений со стороны менеджеров фонда? Вовсе нет: по закону они могут инвестировать только в бумаги с рейтинговой оценкой AAA, которые, как предполагается, являются самыми безопасными. Частные рейтинговые агентства оплачиваются эмитентами ценных бумаг, чтобы поставлять рейтинги, и имеет место иск CalPERS против Стандарт и Пуэрс (S&P), одного из трёх больших агентств — два других являются Moody's и Fitch. Вместе эти агентства штампуют сотни многих токсичных и, в конечном итоге, ничего не стоящих бумаг с AAA, и им платили, чтобы они так делали.

Этот пенсионный фонд (позже к нему присоединился генеральный прокурор штата Калифорния) обвиняет S&P за «мошеннические рейтинги», но до сих пор, низшие (окружные) американские суды постановляют, что рейтинговые агентства были всего лишь «выражением мнения» на стоимость этих бумаг, а «свобода мнений» защищена Первой поправкой к Конституции США, часть

Билля о правах 1791 г. Иными словами, корпорации приобрели права лиц — этому предшествует судебный процесс рейтинговых агентств. Отдельно от банков, не способствующих никаким затратам на их собственное спасение, рейтинговые агентства сами для получения прибыли транснациональных корпораций не выдают никакой компенсации своим жертвам.

Было сделано мало или совсем ничего после падения Lehman Brothers для повторного регулирования финансирования, тем временем, торговля производными достигла \$2.300.000.000.000 в день, на треть больше, чем до кризиса. Валютный сверхбыстрый «флэш трейдинг», полностью управляемый компьютерами и алгоритмами, вырос на 50% по сравнению с уровнем до кризиса. Отношение невмешательства к финансовой отрасли провоцирует пожары к следующему кризису, и мы можем точно предсказать, что это будет еще хуже, чем в прошлом.

У нас есть, по сути, математическое доказательство, что худшее еще впереди, и что корпорации в этот самый момент воспитывают следующий кризис. Три математика, специализирующиеся на теории сложности в политехническом институте в Цюрихе опубликовали замечательную работу под названием «Сеть глобального корпоративного контроля», которая отображает тысячи ТНК в соответствии с их связями с другими ТНК. Начиная с базы данных 43000 корпораций, они постепенно совершенствуют соединения собственности, вверх и вниз, чтобы выделить наиболее взаимосвязанные компании, прибывающие в «ядре» 147 компаний, которые контролируют 40 процентов экономической прибыли всей выборки. Их карта выглядит астрономической картой ночного неба с тусклыми галактиками и ярким началом, но есть и некоторые сверхновые, соединенные линиями в десятки других звезд на карте, чтобы стать «ядром», компания должна иметь, по крайней мере, двадцать соединений.

Шокирующее заключение этих математиков можно найти в приложении к их работе, в котором перечислены 50 самых взаимосвязанных компаний, которые воплощают то, что они называют «острие кромки собственности». Закрывать взаимосвязь означает, по сути, «склонность к системному риску», и это в свою очередь означает, что «пока в хорошие времена, сеть, казалось бы, надежна, в плохие времена, фирмы находятся в бедственном положении одновременно». Из 50 наиболее взаимосвязанных и, поэтому, большинства подверженных риску компаний в их списке, 48 являются банками, хедж-фондами и другими корпорациями по финансовым услугам.

Европейская корпоративная мафия

Возвратившись в Брюссель, десятки «экспертных комиссий», состоящих из лучших сотрудников ТНК, практически без потребителей, экологов или участия наблюдательной организации, встречаются ежедневно с чиновниками комиссии.

Им поручено составление подробного законодательства во всех мыслимых областях политики. В важнейшей области торговли, Corporate Europe Observatory показала, что с подготовкой американо-европейской «партнерства по трансатлантической торговли и инвестициям» связаны «как минимум 119 встреч за закрытыми дверями с крупными корпорациями и их лоббистскими группами [но] было лишь несколько с профсоюзами и группами потребителей. Когда переговоры были объявлены в феврале 2013 г., ни одной из таких встреч с группами общественных интересов не состоялось, по сравнению с десятками с деловыми лоббистами».

Такие новости, показанные во внутренних документах, полученные с помощью обращения к сложно доступной информации правил ЕС, находятся в явном противоречии с тем, что Комиссия утверждает в своих публичных «бюллетенях». Образец: «взгляды гражданского общества играют решающую роль» в торговых переговорах ЕС. Это верно, только если «гражданское общество» считается почти исключительно ограничивающимся интересами бизнеса.

Выше статуса бесчисленных «экспертных групп», хотя и похожих, стоит Совет по международным стандартам финансовой отчетности (IASB), безусловно, ещё неизвестный для 99% населения Европы и других стран-участниц. Когда ЕС впервые столкнулся с расширением и кошмаром 27 различных бирж и широким спектром нормативных правил бухгалтерского учета, был запрос о помощи у специальной группы советников из четырех крупных транснациональных аудиторских фирм.

В течение следующих лет эта группа тихо превратилась в официальное агентство, Совет по МСФО, и по-прежнему состоит из талантливых людей большой четверки, но теперь делает правила для 66 стран — членов, в том числе всей Европы, а также Австралии. Совет по МСФО стал официальным благодаря усилиям одного неизбранного комиссара ЕС, Чарли МакКреви, нелиберального ирландца, который сам является дипломированным бухгалтером. Он не участвует ни в одном парламентском обзоре. Если кто-то хочет что-то спросить, они бы сказали, что агентство было «чисто техническим». И действительно, что может быть скучнее и техничнее, чем правила и практики бухгалтерского учета?

Почему мы должны волноваться?

Мы должны беспокоиться, потому что до тех пор, пока мы не можем обязать транснациональные корпорации принять отчетность в «стране за страной», они будут продолжать платить, как правило, вполне легально-минимальные налоги в большинстве стран, где они имеют филиалы. Они могут разместить свои прибыли в странах с низкими или нулевыми налоговыми юрисдикциями и потерять их в странах с высокими налогами. В настоящее время, если они того пожелают, они

могут сообщить просто на родине, где они имеют свои штаб-квартиры, а затем «остальному миру».

Но для эффективной выплаты налогов, фискальные органы должны знать продажи, количество сотрудников, прибыли и налоги по каждой юрисдикции. Сегодня они этого не могут, потому что правила сделаны специально для предотвращения разглашения. Маленькие, национальные компании и семьи с фиксированным национальным адресом будут продолжать нести большую часть налогового бремени или просто обойтись без государственных услуг, которые могли бы обеспечить справедливое налогообложение ТНК. Практически везде эти компании являются безбилетниками — полиция и пожарные защищают их собственность, местные школы и больницы воспитывают и заботятся об их сотрудниках, которые могут приехать на завод или в офис на общественном транспорте или по общественным дорогам — ничему этому компания не способствует, и содействует в гораздо меньшей степени, чем для себя.

Я связалась с IASB, чтобы спросить, была ли где-нибудь на их повестке дня отчетность по странам, и получил вежливый ответ, что этого не было. Неудивительно. Большие четыре фирмы, чьи друзья и коллеги создают правила, потеряют миллионы дохода, если бы они больше не могли консультировать своих клиентов о том, как лучше всего избежать налогообложения. Рядовые граждане будут продолжать нести налоговое бремя. Налоговые гавани, где согласно достоверным оценкам около \$32 трлн. спрятаны у богатых частных лиц и корпораций, будут продолжать процветать.

Закон за пределами

Большую часть законов теперь создают за пределами национальных границ и, в международной сфере, большая часть этих законов касается способов, предоставляющих корпорациям большой простор и свободу. Большое количество новых торговых договоров позволяет ТНК проникнуть сквозь исполнительные, законодательные и даже судебные функции государства. Даже Организация Объединенных Наций в настоящее время является целевой, и ТНК приветствует их присутствие.

Договоры являются важным источником права и теоретически определяют национальное законодательство, в том числе национальные конституции, хотя есть много свободы действий для более сильных стран. Соединенные Штаты игнорируют изрядную долю международного права, включая конвенции Международного бюро труда. Европа изобретает и ратифицирует договоры с головокружительной скоростью, не оставляя времени или места для граждан, чтобы обсудить гораздо меньшее число голосов в их поддержку посредством референ-

дума. В июле 2013 г. начались переговоры по Трансатлантической торговле и инвестиционному партнерству или ТТИП.

Это соглашение создаст большинство норм, регулирующих почти половину мирового ВВП — США плюс Европа — оно было в подготовке с 1995 г., когда крупнейшие ТНК с обеих сторон океана присоединились к Трансатлантическому бизнес диалогу (TABD) для составления всех практических вопросов регулирования, сектор за сектором.

Другой важный вклад в ТТИП внесли Торгово-промышленная палата, а в Европе Европейский круглый стол промышленников (ERT), который включает в себя около 50 корпоративных лидеров, все на уровне генеральных директоров. Как заявил Питер Сазерленд, бывший комиссар ЕС, бывший директор Всемирной торговой организации и экс-директор Бритиш Петролеум и Голдман Сакс, Европейский круглый стол промышленников «более лоббистская группа. Каждый член ERT имеет доступ на самые высокие уровни власти». По просьбе правительств европейских стран, ERT сильно способствует их повестке дня. Участники переговоров в настоящее время работают с корпоративным планом, который разработали TABD, ERT и их американские коллеги.

Трансатлантическая торговля составляет около \$ 2 млрд. в день, но за исключением пищевой и автомобильной промышленности ещё ведутся переговоры там, где тарифы колеблются — это в среднем всего лишь на три процента. Цель состоит в том, чтобы приватизировать как можно больше государственных услуг и устранить нетарифные барьеры, то есть предписания, которые ТНК называют «торговые раздражители».

Трансатлантический бизнес диалог, который подготовил текст договора (который держится в секрете), позже изменил свое название на Трансатлантический экономический совет и описал свою работу как «снижение регулирования для расширения возможностей частного сектора». Это в самом деле то, что говорит ТТИП: цель снизить и зафиксировать потолок государственного регулирования во всех областях, он настаивает на герметичной защите инвесторов, и будет способствовать приватизации государственных услуг. Он называет себя «политическим органом», и его директор с гордостью заявляет, что это первый раз, когда «частный сектор [еще] сыграл официальную роль в определении государственной политики ЕС/ США».

Настоящий Договор, если он будет одобрен к 2015 г. в соответствии с планом ТНК, будет включать в себя изменения в положениях, охватывающих безопасность пищевых продуктов, фармацевтических препаратов, химических веществ и так далее. Он будет иметь последнее слово по предложениям финансовой стабильности и давать свободу инвесторам изымать свой капитал без предварительного уведомления. Он может блокировать предложения по новым налогам, таких как налог на финансовые операции и сокращение государственного потенциала

для решения климатической безопасности, например, путем введения более высоких стандартов на загрязняющие отрасли. Правительствам будет запрещено отдавать предпочтение национальным компаниям перед иностранными в подписании контрактов на закупку (значительная часть любой современной экономики). Весь переговорный процесс будет проходить за закрытыми дверями, без участия граждан.

Центральным для всех торговых и инвестиционных договоров сегодня является положение, которое позволяет корпорациям подать в суд на суверенные правительства, если компания утверждает, что меры правительства повредят его настоящим, или даже своим «ожидаемым» доходам.

Количество споров «инвесторов для государства», возникающих из ТТИП, если они проходят, конечно, еще предстоит выяснить. Тем не менее, в соответствии с условиями сотни двусторонних инвестиционных договоров уже ратифицировали, более 560 дел уже выдвинуты корпорациями против правительств, в том числе 62 новых дела только в 2012 г. По крайней мере, треть корпоративных заявителей требуют \$ 100 млн. или больше в качестве компенсации. Там нет взаимности, то есть, правительства не могут подать в суд на корпорации, если они принесли ущерб или вред государственному или общественному имуществу. Эти случаи рассматриваются не в национальных судах, а в специальных арбитражных судах с адвокатами и судьями, набранных из лучших частных юридических фирм, в основном британских и американских. Адвокаты взимают в среднем \$ 1000 в час, а арбитры \$ 3000 в день. До сих пор большинство дел было решено в пользу компаний, более трети назначили выплаты более чем на \$ 100 млн., а выплаты обязательно оплачиваются налогоплательщиками страны.

Организация Объединенных Наций

ООН теперь имеет специальный раздел для корпораций под названием «Глобальный договор», основанный около пятнадцати лет назад Кофи Аннан и тогдашним президентом Nestle. Чтобы стать членом компании необходимо подписать только пятнадцать принципов в области прав человека или труда и окружающей среды. Хотя они, как предполагается, поставляют доклады о своем развитии, ООН никогда не контролирует их. Однако, она следит за тем, чтобы высокопоставленный представитель из каждой из основных учреждений ООН, таких как ФАО, ВОЗ, ЮНЕСКО и так далее, назначается для координации и облегчения взаимодействия с компаниями.

Корпорации, которые принадлежат Глобальному договору, плюс члены Всемирного совета предпринимателей для Устойчивого развития и различные другие бизнес — ассоциации или торгово-промышленные палаты, массово присутствовали на экологической конференции Джамбори ООН Рио +20 летом 2012 г.

Согласно некоторым отчетам, они практически взяли на себя дела. Бизнес формирует крупнейшую делегацию и устроил событие, достаточно известное, как «рабочий день». Здесь Постоянный представитель Международной торговой палаты при Организации Объединенных Наций (да, как постоянный представитель страны) заявил под гром аплодисментов: «Мы (...) крупнейшая деловая делегация, когда-либо принявшая участие в Конференции ООН... Бизнес должен взять инициативу в свои руки и мы принимаем на себя инициативу». ТНК теперь требуют формальную роль в переговорах ООН по климату.

Кажется, что повестка дня, прогрессирует безупречно. В ноябре 2013 г. климатическая конференция ООН в Варшаве была демонстративно оштукатурена логотипами многих горнодобывающих и нефтяных компаний, а также Emirates Airline, General Motors и BMW: КС 19 или Конференция Сторон стала первой в истории в качестве поиска корпоративного спонсорства. Возможно, потому что от 80 до 90% энергии Польши связано с углем, непроницаемое польское правительство нашло повод провести параллельную конференцию Всемирной угольной ассоциации. Здесь официальный представитель климатической конференции ООН Кристиана Фигерес выступила с докладом. Молодцы, ТНК!

Кто правит сегодня?

Демократическая легитимность предполагает народный суверенитет, иначе известный как согласие управляемых. Люди должны быть конечными арбитрами: они должны не только избирать представителей, но и должны обладать правом и потенциалом, чтобы сказать «Нет», а также «Да» для государственной политики.

Это совсем не новость, что правительства всегда регулируются от имени некоторых классовых интересов, но это отличается от позволения этим интересам на самом деле написать законодательство и непосредственно делать политику, включая бюджетную, финансовую, трудовую, социальную и экологическую политики, вместо избранных законодателей и государственных служащих. Это отличается от позволения частным корпорациям намеренно распространять обман и ложь и подрывать право общественности на получение информации.

Это также отличается от разрешения таким интересам заменять установленные судебными органами специальные суды в таких областях, как арбитраж торговых споров, даже в тех юрисдикциях, где судебная система, как известно, была справедливой и независимой. И, кажется, нет путей при настоящем законе препятствовать таким исполнительным органам, как Европейская комиссия, непроницаемая для всего демократического процесса, и созданию политики непосредственно вопреки желаниям большинства европейских граждан, по крайней мере, согласно тому, что можно узнать из опросов мнения.

Как люди останутся, или станут суверенными, если они не в состоянии даже определить, кто или что в принятии решений влияет на их жизнь? Демократия ни в коей мере не отставала от темпов глобализации; или же на национальном или международном уровне, власть осуществляется без согласия управляемых. Людям даны несколько инструментов, чтобы понять, кто на самом деле работает. Корпорации осуществляют власть без соответствующей ответственности. В то время как избиратели могут санкционировать правительства и выбросить их из офиса, корпорации не только вне народной досягаемости через голоса, но и собирают вопиющие привилегии, такие как «личности» в США или полный статус в Организации Объединенных Наций.

Это не просто их размер, их огромные богатства и активы, которые делают ТНК опасными для демократии. Это также их концентрация, их способность влиять, и часто проникать в правительства, и их способность выступать в качестве подлинного международного социального класса позволяет защитить свои коммерческие интересы против общего блага. Они имеют общий язык, общую идеологию и общие амбиции, которые касаются всех нас.

На каком бы уровне они не работали, общие цели тех, кто стремится осуществлять незаконную власть, подразумевают не просто стремление заработать более высокую прибыль, хотя суть остается первостепенной. Они также стремятся (1), как это ни парадоксально, обеспечить новый вид легитимности для альтернативной системы, которую они фиксируют, запускают ее полностью самостоятельно и (2) уничтожить такие понятия, как общественный интерес, государственная служба, государство всеобщего благосостояния и общее благо в пользу более высоких корпоративных прибылей с точки зрения денег и власти, и правил с учетом корпоративных целей. Они, в конечном итоге, могут заменить «из, к и для народа» на «из, к и для ТНК». Граждане, которые ценят демократию, игнорируют их на свой страх и риск.